

Росту социального сознания и творческому подходу к разрешению социального вопроса способствует всякая без исключения эмигрантская организованность, — лишь бы она действительно, подлинно «организовывала» жизнь, — почти безразлично, на каких принципах она организовывает. Важно, что организовывает она рабочих людей, сколачивает их в крепкие группы, связанные не только национальной, но и социальной общностью интересов. Остальное за них дѣлает жизнь. И в этом смыслѣ не только внутрирусский вопрос есть социальный вопрос по преимуществу, но и эмигрантский вопрос есть также по преимуществу вопрос социальный.

Все это, конечно, очень благоприятный показатель для тѣх, кто любит говорить о миссии эмиграции, — благоприятный, потому что таким положением вещей предопредѣляется творческая чуткость эмиграции в разрешении социального вопроса. Жизненно, опытно, выстрадано сможет она подойти к нему.

Тут только надо оговориться: к сожалѣнію, не вся эмиграция прошла такую школу, и, может-быть, именно тот, кто особенно много и часто говорит о миссии эмиграции, по существу не способен отойти от старых позиций и далек от подлинного эмигрантского мироощущения, так как никогда не наблюдал, как русский и социальный вопрос практически совпадают. Все сказанное может относиться только к людям пореволюционного сознания, — от имени же эмиграции всего чаще говорят люди сознания дореволюционного, — безразлично каких взглядов: никакіе дореволюционные взгляды не гарантируют от того, чтобы все забыть и ничему не научиться.

Е. Скобцова.

О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Мнѣ хотѣлось бы обратить внимание русского зарубежья на литературную дѣятельность небольшой, но живой, талантливой группы молодых безпартийных политиков, объединившихся вокруг издательства «Eugen Diederichs» и издающих имѣющей большой успѣх журнал «Die Tat» (Дѣйствіе). Последній номер этого журнала разошелся в количествѣ 20.000 экземпляров, что представляет собою небывалый для научно-публицистического журнала тираж.

1. FERDINAND FRIED. «Das Ende des Kapitalismus» (Конец капитализма). Eugen Diederichs Verlag. Jena.

Книга Фрида представляет собою переработку цикла статей, печатающихся в «Die Tat». Тот радикализм, с которым Фрид обруши-

вается на капитализм, вызвал в прессе правого лагеря злостные обвинения в «марксизмъ». Национальный же пафос книги Фрида вызвал в левом лагере не менее страстные нарекания в «буржуазности».

Из факта этой двусторонней атаки не слѣдует однако дѣлать поспѣшнаго вывода, будто бы круг сотрудников «Die Tat», во главѣ с экономистом Фридом и политиком Церером, представляет собою всего только отряд национал-социалистическаго движенія. 1) Бездна, отдѣляющая национал-социалистов от группы «Дѣйствія» Церера — Фрида, заключается прежде всего в том, что национал-социалисты — улица, а группа «Дѣйствія» — катакомбы, что национал-социализм — готовый компромисс между всѣми идеями и силами современности, а группа «Дѣйствія» — исканіе синтеза между ними; что национал-социалисты стремятся к захвату власти, а группа «Дѣйствія» считает данный момент подлинно дѣйственным сознательный и радикальный отказ от всякаго внѣшняго дѣйствія. Вопрос о том, «что нужно дѣлать», Фриду представляется вопросом «малодушным». Всякаго, пытающагося прорваться за проволочное загражденіе безстрашнаго анализа современнаго положенія, Фрид считает, как сказали бы в Совѣтской Россіи, «паникером», или, по его собственной, своеобразной, терминологіи, «дезертиром», т.е. перебѣжчиком во враждебный стан всезнающих лугунов.

В этой позиціи есть острая своеобразность, которая, подчас волнуя и раздражая читателя, все же неустанно влечет к себѣ.

Особенную ноту придает книгѣ Фрида то обстоятельство, что он рассматривает «кончающійся капитализм» не только как экономическую систему, но и как психологію возглавляющих нѣмецкую промышленность людей, которых автор, очевидно, хорошо и лично знает.

Путем тщательнаго, поименнаго изученія главных «капиталистических дѣятелей» Германіи Фрид приходит къ заключенію, что капиталистическій мір выражается. Эпоха дѣдов давала гениальных промышленников-вождей, предпринимателей-творцов. Современность же, наоборот, извлекает из промышленно-предпринимательской среды всѣх наиболѣе талантливых людей и перебрасывает их на государственный фронт. Этот процесс отхода талантов от промышленно-предпринимательской сферы означает, по мнѣнію Фрида, то, что сама тема капиталистическаго хозяйства выдыхается. Талантливые люди каждой эпохи всегда устремлены к разработкѣ наиболѣе важных, (талантливых) эпохальных тем. (Мысль эта принадлежит, как извѣстно, Шпенглеру, но Фрид ее очень интересно развивает). Умираніе всякой исторической темы раскрывается всегда в ея систематической измѣнѣ своей исконной сущности. Такая измѣна со стороны капи-

1) Моменты теоретической переклички, правда, имѣются. Есть и опасность фашистскаго срыва, но не эта сторона интересна в молодом движеніи.

тализма налицо: ея главный признак — отрицание идеи свободной конкуренции в пользу частичного применения принципа планового хозяйства (картелирование, трестирование и синдикалирование производства). За этой изменной капиталистическому принципу стоит изменение психологии капиталиста. Изначально это была психология риска, азарта, борьбы, ставки на неизвестный шанс. Нынче это усталая психология людей, стремящихся застраховать себя от всяких случайностей. Характерным показателем этой психологии является, между прочим, требование правительственной гарантии при заключении сделок с Советской Россией, а также и апелляция банкротящихся банков к государственному кошельку.

Вырождением темы капитализма (идеи и психологии) объясняется, по Фриду, утрата капиталистическим миром инстинкта самосохранения, сказывающаяся в техническом вооружении внъевропейских стран,²⁾ в нелюбимой сверхрационализации европейского производства и многом другом.

Самоликвидация идеи хозяйства (точнее, идеи гегемонии хозяйства) в пользу идеи государства выдвигается, по мнению Фрида, однако не только капитализмом, но и трудом. Социалистическая идеология утверждает, правда, примат производства (примат экономики), но все социалистические партии требуют огосударствления средств производства и стремятся к захвату государства. (В России радикальный социализм перерождается в фашистский этатизм).

Тема государства как будто бы принадлежит, таким образом, будущему. Однако надежды, которые связываются нынче многими партиями с ожидаемым расцветом новой государственной эры в Европе, осуществляются, по мнению Фрида, только в том случае, если искомая сильная государственная власть сумеет стать выше партий, сумеет стать воплощением и выражением общенародной, национальной воли. Осуществление «народного государства» (*Volksstaat*) должно начаться, таким образом, с ликвидации «промышленного общества».

Эта тема подробно развивается известным лейпцигским социологом Фрейером.

2. HANS FREYER. *Revolution von rechts* (Революция справа). Eugen Diederichs Verlag. Jena.

Главная мысль Фрейера заключается в том, что смысл революции не в устройении неустроенных слоев общества в господствующем обществе, а ликвидация этого общества. «Революция, пишет Фрейер,

²⁾ Этой теме уделяет особое внимание Освальд Шпенглер в своей новой книге: «*Der Mensch und die Technik*». С. Н. Beck. München.

есть рождение новаго принципа в исторіи и обществѣ. Революціонеры же тѣ люди, что являются воплощеніем этого принципа до его исторической реализаціи. Было время — пролетаріат был революціонной силой. Он воплощал в себѣ идею защиты чело-вѣка от буржуазнаго общества, стремившагося превратить рабо-чачаго в вещь, в товар. Сейчас этого стремленія в Европѣ нѣтъ. Со-ціальное законодательство очеловѣчило положеніе рабочаго и при-мирило рабочаго с буржуазной душой XIX вѣка. Профессіональные союзы представляют собою не что иное, как органы благополучнаго устроенія рабочаго в формах буржуазнаго общества. Соціал-демокра-тическая партія больше других партій увѣрена в примиримости всѣх интересов; противоборство классов не играет больше никакой принци-пальной роли, это «одно из тысячи противоборств, которыми дер-жится и движется жизнь».

Революція слѣва, по Фрейеру, невозможна, потому что пролетаріат измѣнил своей собственной идеѣ. Но измѣна пролетаріата своей революціонной задачѣ не отмѣняет самой задачи. То, чего не осилил пролетаріат, осилит идущая ему на смѣну новая сила. Эту но-вую силу Фрейер называет н а р о д о м , революцію, которую на-род подготавливает и совершает, — р е в о л ю ц і е й с п р а в а .

Задача этой революціи справа та же, что нѣкогда стояла перед революціонным пролетаріатом: л и к в и д а ц і я р а ц і о н а - л и с т и ч е с к и - а т о м и с т и ч е с к а г о , б у р ж у а з - н о - к а п и т а л и с т и ч е с к а г о о б щ е с т в а 19-го вѣ - к а . Идеология Фрейера, несмотря на шовинистическую терминологию, не шовинистична. Его идея народной революціи справа не реакціонна. Соціал-демократ Боринскій правильно замѣчает в своей ре-цензії на Фрейера («Neue Blätter für den Sozialismus», Heft 8), что «отклоненіе фрейеровских идей марксистским мановеніем руки свидѣтельствовало бы о глубокой духовной реакціонности, так как идеи Фрейера во многом совпадают с идеями социализма». И, дѣйстви-тельно, фрейеровская идея народа очень близка идеѣ «внѣклассоваго общества». Разница лишь в том, что по Фрейеру ликвидація классо-ваго общества уже началась, происходит у всѣх на глазах, как на правом, так и на лѣвом флангѣ современнаго общества. Народ и есть, по мнѣнію Фрейера, не что иное, как « п р о д у к т л и к в и - д а ц і и и н д у с т р і а л ь н о - б у р ж у а з н а г о о б щ е - с т в а », как новая форма народной жизни, в которой будут гос-подствовать « н е и н т е р е с ы , а и д е и ». Народ есть, та-ким образом, как бы социальное тѣло цѣлостнаго сознанія. К сожа-лѣнію, однако, — и в этом величайшая слабость фрейеровской кон-цепціи, — главная идея, на которой им строится грядущая цѣлостность народнаго сознанія, есть идея «радикальнаго отрицанія («das grund- sätzliche Nichts») по отношенію ко всѣм формам XIX вѣка: — куль-

турным, политическим, социальным, т.-е. идея, которая в своей отрицательности может быть весьма действительной, революционной силой, но вряд ли способна на какую-либо подлинно творческую роль.

Вопросы, поставленные в концепциях Фрида и Фрейда, получают новый поворот (более конкретный, более актуально-политический) в писаниях главы группы «Действия» — Церера, выходца из либерально-демократических рядов. (В недавнем прошлом Церер был редактором отдела внешней политики старой «Vossische Zeitung»).

3. HANS ZEHRER. «Links oder rechts?» (Направо или направо)

Основная мысль Церера, неоднократно высказывавшаяся впрочем и русскими эмигрантскими философами-публицистами (в частности С. Л. Франком, в его статье в «Числах»), сводится к тому, что эти слова потеряли всякий смысл. По мнению Церера, сейчас во всех странах идет борьба не между правыми и левыми силами и группировками, а между XIX и XX столетиями, т.-е. между либерализмом — правым, средним и левым — и всеми антилиберальными силами, которые только еще раскрываются в процессе ликвидации отживающих принципов 1789 года.

Основной недостаток либерализма Церер усматривает в его особом отношении к истине, которая, по меткому слову К. Шмидта,³⁾ сводится к положению, что «истина есть функция вечного соревнования истины». При таком понимании истины, самая страстная дискуссионная борьба против либерализма является не борьбой против него, а потаканием ему. Анализируя социалистические и национально-консервативные течения XIX века, Церер показывает, как те и другие разложили себя на путях дискуссионной-парламентарной борьбы с либерализмом. Но, разложив своих врагов, либерализм разложил и самого себя. Все формулы либерализма сейчас ничего не значат, ибо либерализм есть всего только общий знаменатель под консервативным, либеральным и социалистическим числителем. Немощная коалиция этих разложивших друг друга сил заключается, по мнению Церера, сейчас в том, что консерватизм консервирует духовно ему чуждые формы капиталистического производства, а социализм смягчает жестокость этих форм социальными-политическими, социальными-филантропическими моментами. Этот фронт отживших сил давно бы развалился, если бы его не поддерживала четвертая сила, покоящаяся на более древних и более сильных основаниях, — католицизм. В то, что этой силе удастся спасти либеральный фронт, Церер не верит. Для него Брюнинг — конец, а не начало. Ближайшие десятилетия принадлежат, по мнению Церера, по-своему р е л и г и о з н о м у, но опредѣ-

³⁾ C. Schmidt: Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Duncker & Humblot. München.

ленно в нѣ церковном у активизму. Выходящее сейчас на историческую сцену поколѣніе будет довольствоваться фактическим осмысливаніем жизни. Исканіе же жизненнаго смысла, которое собирает всѣх усталых у церковной ограды, будет ему чуждо. Но это не значит, что роль церкви копчается. Когда улягутся предстоящія бури — слово оно может оказаться за церковью («Sie — die Kirche — wird ihre grosse Chance erleben»), если только церковь сумѣет за это время набраться новых сил, «освободить всѣ борющіеся в ней за новое творчество силы».

От анализа итогов XIX вѣка Церер переходит к разсмотрѣнію молодых побѣгов пореволюціонных сил — фашизма, коммунизма, націонал-коммунизма и націонал-соціализма. Среди многих мыслей, высказываемых Церером, наиболее интересно для нас, русских, цереровское противопоставленіе націонал-коммунистическаго движенія, с одной стороны, коммунистическому интернаціоналу, а с другой — націонал-соціализму. Причем — и это самое главное — Церер считает, что у націопалянаго коммунизма имѣется очень серьезный шанс побѣды над своими соперниками. Пока національному самоопредѣленію нѣмецкаго коммунизма мѣшает «миф Совѣтской Россіи». Но этот миф может сразу же рухнуть, как только лучшіе из вождей коммунизма поймут, что большевизм духовно идет не во главѣ европейскаго развитія, а в его хвостѣ, что он тот же «либерализм с марксистским коэффициентом». «Не будем заблуждаться, заканчивает Церер свои размышленія по поводу національнаго коммунизма, развитие идет гигантскими шагами. Через нѣсколько мѣсяцев націопалянаго коммунизма может стать во главѣ всѣх антилиберальных сил Германіи. В этом случаѣ он опредѣлит собою все будущее развитіе нѣмецких судеб».

Шанс, имѣющийся у націонал-коммунистов, Церер связывает съ тѣм, что они в гораздо меньшей степени партія, и в гораздо большей степени движеніе, чѣм коммунисты, идущіе на поводу у Москвы, чѣм гитлеровцы, все болѣе превращающіеся в подручных буржуазно-націоналистическаго реакціи Гугенберга.

«За то, что борьба между націонал-соціалистами и коммунистами не кончится побѣдою ни той, ни другой стороны, но приведет сначала к декристаллизациі обѣих, нынѣ существующих организаціи, а затѣм к уравновѣшенному примиренію обѣих полюсов в новом соціальном образованіи (Gemeinschaft), которое будет уже по праву чувствовать себя представителем народнаго всеединства (totale Volksgemeinschaft), — за это говорит (очень характерное для Церера замѣчаніе) прежде всего тот факт, что, как коммунизм, так и націонал-соціализм уже подпали либералистическому вліянію, заражены трупным ядом девятнадцатаго столѣтія (стали партіями).

Вопрос освобожденія от либерализма есть, по Цереру, прежде

всего вопрос поколѣнія. Быстраго освобожденія от духа XIX вѣка ждать не приходится. «Творческій размах послѣдних 150 лѣтъ еще вибрирует в наших нервах, в нашем мышленіи еще господствуют методы и направленія прошлаго».

Что же остается дѣлать? — спрашивает Церер. Отвѣтъ его очень интересен. Единственно важное дѣло — работа над созданием новаго чело в ѣ к а. Созданіе новаго чело в ѣ к а возможно лишь на путях созданія новаго міросозерцанія. Міросозерцаніе это должно быть «цѣлостным и центральным», т.-е. «релігіозным». Оно не может быть продуктом уединеннаго и индивидуалистическаго творчества, как философскія системы XIX вѣка. Почвой его возвращенія должен быть народ, понимаемый как продукт ликвидаціи буржуазно-индустріальнаго общества. Формами возвращенія грядущаго народнаго сознанія должны быть подлежащія немедленному созданію духовно-творческія организациі новых людей: «общества, ордена, ложи». Работа в этих объединеніях должна вестись в атмосферѣ полной свободы, ограниченной, однако, исповѣданіем единой вѣры (цѣлостнаго міросозерцанія). Работа эта не должна витать в облаках: — должна сосредотачиваться на разрѣшеніи практических вопросов зачинающейся эпохи. Результаты этой работы должны публиковаться в журналах, которые призваны смѣнить партійныя и бульварныя газеты. Но и журналы должны быть преобразованы. В качествѣ сотрудников допустимы лишь люди, объединенные цѣлостным міросозерцаніем, («ein geschlossener Mitarbeiterkreis mit einem geschlossenem Weltbild»). Апеллировать журналы должны не к публикѣ, а к читательской общинѣ. («Lesergemeinde»).

Таков тот путь единственно серьезнаго культурно-политическаго дѣла, на который зовет нѣмецкую молодежь Церер и его группа.

Новый путь Церера — очень старыя русскія пути. Итти им нам, русским, много легче, чѣм нѣмцам. Подробное развитіе этого положенія завело бы меня очень далеко. А потому в заключеніе только намекаю на то, о чем должна была бы итти дальнѣйшая рѣчь.

Россіи легче итти по пути Церера, чѣм Германіи, по трем причинам.

Во-первых, потому, что русское религіозное сознаніе не знает существенной для всей нѣмецкой культуры борьбы католицизма с протестантизмом.

Во-вторых, потому, что путь орденскаго творчества культуры и жизни есть традиціонный путь русской интеллигенціи.

И, в-третьих, наконец, потому, что народ и сейчас в Россіи гораздо болѣе реальная историческая сила, чѣм «буржуазно-индустріальное» общество западнаго образца.

Ко всѣм этим вопросам нам придется еще не раз вернуться.

Федор Степун.

